

*Удивительному человеку —
моему супругу Бретту Нолану*

Семейство Дзев погубил не рок —
Убийцей стал брат, он же старший сынок:
Помутился у мальчишки разум —
Прилипла к нему сатанинская зараза.

Сестру Мишель он в ночи задушил,
Дебби, бедняжку, в куски изрубил,
Мать напоследок оставил —
Голову ей продырявил.

Лишь крошка Либби чудом спаслась,
Но страшная жизнь у нее началась.

*Стишок-страшилка,
гулявший по школьным дворам
около 1985 года*

Либби Дэй

Наши дни

Во мне живет некая агрессивная, злобная сущность — реальная, как внутренний орган вроде сердца или печени. Ткни меня ножом в живот — и она, мясистая и темная, вывалится, шлепнется на пол, а если на нее наступишь, влажно взвизгнет под ногой. Видно, с нами, Дэями, что-то не так. В раннем детстве я не отличалась образцовым поведением, а после тех убийств стала еще хуже. Сиротка Либби росла угрюмой нелюдимкой, кочуя между дальними родственниками, и оказывалась то у троюродных братьев и сестер, то у двоюродных теток и бабок, то у друзей друзей в разбросанных по всему штату Канзас передвижных домах-трейлерах и на дряхлеющих ранчо. Я ходила в школу в вещах погибших сестер — кофтах с застиранными грязно-желтыми подмышками, штанах, которые пузырились сзади и смешно на мне болтались, не падая только потому, что их застегивали на самую последнюю дырочку старого засаленного ремня. На школьных фотографиях у меня вечно всклокоченные волосы: на торчащих в разные стороны лохмах, словно запутавшиеся в них летающие объекты, висят заколки, под глазами темные круги, как у пьянчужки со стажем. Правда, иногда губы растянуты в вымученную нитку — там, где положено быть улыбке. Иногда.

Я не была симпатичным ребенком, а повзрослев, превратилась в еще более несимпатичную девуцу. А если изобразить на бумаге мою душу, получится дурацкая каракуля с клыками.

За окном стоял отвратительно мокрый март. Лежа в постели, я предавалась любимому занятию — размышляла, как покончу с собой. Вот такое приятное дневное времяпрепровождение. Дуло пистолета в рот, громкий хлопок... голова дергается

раз, два... кровь фонтаном бьет в стену... багровые ручьи катятся вниз... «Не знаете, она хотела, чтобы ее закопали или кремировали?» — начнут спрашивать друг друга люди. «А на похороны-то кто-нибудь придет?» Но на эти вопросы никто не сможет ответить. Эти люди, кто бы они ни были, пряча глаза или глядя куда-то в пустоту, наконец замолчат; на стол со стуком решительно поставят полный кофейник: кофе и скоропостижная смерть сочетаются идеально.

Я высунула ногу из-под одеяла, не в силах заставить себя опустить ее на пол. Наверное, у меня депрессия, но в этом состоянии я, кажется, пребываю вот уже почти двадцать четыре года. Глубоко внутри моего чахлого тела, скрытая где-то за печенью или прицепившаяся к селезенке, живет другая, лучшая часть меня. Эта Либби и заставляет меня вставать, хоть чем-то заниматься, расти, двигаться вперед. Однако после недолгой борьбы верх обычно одерживает недобрая сущность. Когда мне было семь лет, мой собственный брат зверски убил маму и двух сестер: выстрел, пара взмахов топором, удавка — и их нет. Чем после такого можно заниматься? Чего ожидать?

В восемнадцать лет в моем распоряжении оказалась сумма в триста двадцать одну тысячу триста семьдесят четыре доллара, образовавшаяся благодаря всем тем доброжелателям, которые прочитали о моей трагедии, тем благодетелям, чьи «сердца со мной». Едва услышав эту фразу (а это происходило бесчисленное количество раз), я представляю сочные сердечки с крылышками — они летят к одной из тех дыр, в которых мне приходилось обитать в детстве; вижу в окне себя маленькую: я приветственно машу руками и хватаю на лету эти яркие пятнышки, а сверху на меня сыплются деньги («О, спасибо вам огромное, СПАСИБО, я так вам благодарна!»). До моего совершеннолетия деньги лежали на строго контролируемом банковском счете, который имел обыкновение резко пополняться раз в три-четыре года, когда какой-нибудь журнал или радиостанция сообщали о том, как я живу. «Новая жизнь крошки Либби: единственной уцелевшей после резни в канзасской прерии исполнилось десять — радость с примесью горечи» (на фото я с двумя неряшливыми косицами на обильно смоченной опоссумами лужайке перед трейлером тети Дианы, а позади меня в желтой траве лежат три толстеньких телят). «Отважная крошка Дэй отмечает шестнадцатилетие» (свечи на праздничном тор-

те освещают лицо девчушки: я по-прежнему мелкая, в блузке, которая едва сходится на груди, выросшей в том году до четвертого размера — несуразной до неприличия на столь тщедушном теле, прямо как на картинке из комикса).

На эти деньги я жила больше тринадцати лет — их почти не осталось. Днем у меня состоится встреча, которая и прояснит, насколько серьезны потери. Ведавший моими деньгами розовощекий банкир по имени Джим Джефффриз раз в год вел меня обедать — это мероприятие у него называлось «ревизией». За едой где-то в пределах двадцати четырех долларов мы беседовали о моей жизни: он ведь знал меня — кхе-кхе — еще с тех пор, когда я была во-о-от такого роста! А я почти ничего о нем не знала, правда, никогда ни о чем и не расспрашивала — возможно, потому, что смотрела на наши встречи, как ребенок: будь вежливой, но не перестарайся и жди себе конца аудиенции. Односложные ответы, усталые вздохи... (Он, должно быть, истинный христианин — это единственная мысль, которая приходила в голову в связи с Джимом Джефффризом, ибо его отличали терпение и оптимизм человека, полагающего, что за всем наблюдает Христос.) Следующая «ревизия» планировалась месяцев через восемь-девять, но он почему-то начал мне названивать, а в сообщениях, которые оставлял, серьезным душевным голосом говорил, что сделал все, что было в его силах, чтобы продлить «существование фонда», но, очевидно, пришло время задуматься о «дальнейших шагах».

Внутри снова подняла голову подлая сущность: я вдруг подумала о другой девчонке из таблоидов, Джейми (не могу вспомнить ее фамилию), которая потеряла семью в том же 1985 году; ее отец устроил пожар — у нее сильно обгорело лицо, а остальные члены семьи погибли. Каждый раз, нажимая на кнопки банкомата, я думаю о том, что она отняла внимание и восхищение, которые предназначались мне. Если бы не она, у меня бы сейчас было в два раза больше денег. И вот теперь Джейми (как там бишь ее?) бродит по какому-нибудь огромному магазину с моими деньгами и покупает дорогие сумочки, украшения да косметику, которую накладывает на свое лицо со следами ожогов. Конечно, подобные мысли отвратительны (по крайней мере, я это понимаю).

Господи, ну как же тяжело вставать... Наконец с почти театральным вздохом я оторвала себя от кровати и бесцельно по-

брела в другую комнату. Домишко, который я снимаю, стоит в окружении таких же неказистых кирпичных домиков. Их когда-то построили безо всякого разрешения на огромном утесе с видом на бывшие скотобойни Канзас-Сити. (Речь идет о той части Канзас-Сити, которая находится в штате Миссури, а не в штате Канзас. Это, знаете ли, не одно и то же.)

Мой район даже названия не имеет, про него говорят: «Вон туда по вон той дороге». Нелепое местечко на отшибе с улочками, которые заканчиваются тупиками и утопают в собачьих фекалиях. Во всех остальных домиках полно старичья — они живут в них с тех самых пор, как их построили, а сейчас седыми квашнями сидят за закрытыми ставнями и целый день пялятся на улицу. Иногда они осторожно, по-стариковски, пробираются к своим машинам, и тогда я чувствую себя виноватой, словно человек, который не оказывает помощь, когда она так нужна. Но им не нужна моя помощь. Это не милые божьи одуванчики, а злобные существа с поджатыми губами, которым очень не нравится, что какая-то новенькая теперь приходится им соседкой. Вся округа прям гудит презрением. А еще где-то поблизости обитает тощая рыжая собака — днем она беспрестанно лает, а ночью воет. Вечный звуковой фон сводит с ума — это понимаешь, когда на некоторое благословенное время он вдруг прекращается и потом начинается вновь.

Жизнеутверждающим у нас можно считать только утреннее воркование едва научившейся ходить малышни. Переваливаясь по-пингвиньи, круглолицые и одетые в сто одежек, уцепившись за веревочку, которую держит кто-нибудь из взрослых, они гуськом дружно топают мимо моих окон в свой детский сад, скрытый где-то в лабиринте улиц позади моего дома. Я ни разу не видела, как они возвращаются, — ей-богу, кажется, что за день они успевают обогнуть земной шар, а утром снова идут мимо. Я испытываю нечто вроде привязанности к этим, похоже, обожающим ярко-красные кофточки четверым малышам — трем девочкам и мальчику, — и если не вижу их утром (что случается, когда я просыпаюсь позже), меня одолевает тоска зеленая (то есть тоска в этих случаях зеленее обычного). Так часто говорила мама о состоянии слабее депрессии. А в зелени своей тоски я пребываю вот уже двадцать четыре года.

На встречу с Джефффризом я надела юбку и блузку, чувствуя себя карлицей: взрослые вещи мне всегда велики. Во мне всего 150 сантиметров роста (если быть абсолютно честной, то 147, но я всегда округляю). Мне 31 год, но окружающие обычно говорят со мной слегка нараспев, как с ребенком, которому хотят предложить конфетку.

Сопровождаемая назойливым лаем рыжего пса, я направилась к машине вниз по заросшему сорняками склону. К асфальту как раз возле места, где я ставлю машину, около года назад прилипли скелетики двух птенцов — расплющенные клювики и крылышки делают их похожими на древних рептилий. Смыть их отсюда, наверное, сможет только сильное наводнение.

На крыльце дома напротив разговаривали две пожилые женщины — я ощутила нарочитость, с которой они меня игнорируют. Понятия не имею, как их зовут, и если одна из них вдруг умрет, вместо того чтобы посетовать: «Умерла бедняжка Залински», я скажу: «Старая гримза из дома напротив сыграла в ящик».

Чувствуя себя крохой-привидением, я забралась в свою безликую, скромных размеров машинку, кажется сделанную в основном из пластика. До сих пор жду, когда ко мне явится представитель компании со словами: «Мы пошутили: эта конструкция ездить не способна». Минут десять я рулила в сторону центра, где мы должны были встретиться с Джефффризом, и закатилась на парковку с опозданием на двадцать минут, понимая, что он все равно расцветет в улыбке и ни словом не обмолвится о моей непунктуальности или медлительности.

По прибытии на место я должна была позвонить ему на мобильный, чтобы он меня встретил и сопроводил внутрь: это традиционное для Канзас-Сити большое кафе, специализирующееся на мясных блюдах, стоит в окружении опустевших зданий, которые внушают ему беспокойство, словно в них притаилась рота насильников, выжидающих, когда же я подъеду. Нет, Джим Джефффриз такого не допустит. Он не даст в обиду «храбрую крошку Дэй, несчастную семилетнюю малышку с огромными голубыми глазами и рыжими волосами», — единственную, кто выжил после «резни в прерии», после «жертвоприношения Сатане в фермерском доме». Бен зверски убил маму и двух моих старших сестер. Уцелела только я и признала в нем убийцу. По-

добно крутой девчонке из комиксов, я отдала в руки правосудия своего брата-сатаниста, чем наделала много шума в прессе. «Инкуайерер» поместил на первой полосе мою зареванную физиономию с подписью «Лик ангела».

Я глянула в зеркало заднего вида — оттуда на меня до сих пор смотрит это детское личико. Веснушки поблекли, зубы выровнялись, но нос остался прежней приплюснутой картошкой, как у мопса, а глаза — круглыми, как у котенка. Я крашусь в очень светлую блондинку, но рыжие корни выдают мой истинный цвет. Создается впечатление, особенно на закате, что череп кровоточит — зрелище не для слабонервных. Я закурила. Месяцами обхожусь без сигарет, а потом вдруг вспоминаю: хочу курить. В этом я вся: никаких привязанностей, ничто меня не цепляет и за душу не берет.

— Ну что, крошка Дэй, вперед! — произнесла я вслух. Я к себе так обращаюсь, когда чувствую, что внутри кипит ненависть.

Я выбралась из машины и направилась ко входу в заведение, держа сигарету в правой руке, чтобы не смотреть на изуродованную левую. На город надвигался вечер. По небу плыли облака, похожие на гигантских буйволов; солнце опустилось настолько, что его гаснущие лучи окрасили все вокруг в розовый цвет. Ближе к реке внутри сложного переплетения автострад торчали отжившие свой век элеваторы, темные, безжизненные и совершенно бессмысленные.

Я пересекла парковку одна, наступая на россыпь битого стекла. На меня никто не напал: в конце концов, было всего лишь пять часов вечера. Джим Джефффриз ужинал рано и этим гордился.

Когда я вошла в зал, он сидел у барной стойки, потягивая сладкую газировку. Я представила, что сейчас он первым делом вытащит из кармана мобильный и уставится на экран, словно техника его подвела.

— Ты звонила? — нахмурился он.

— Забыла, — солгала я.

Он улыбнулся:

— Ну и ладно. Все равно, девочка, рад тебя видеть. Потолкуем о деле?

Оставив на стойке два доллара, он, ловко маневрируя между столами, подвел меня к столику, отгороженному от остально-

го пространства красным кожаным диваном с высокой спинкой. Из потрескавшейся кожи высовывались желтые внутренности, подушки провоняли дымом от сигарет, а рваные кожаные края неприятно царапали икры.

В моем присутствии Джефффриз не только сам никогда не прикасался к спиртному, но и ни разу не поинтересовался, хочу ли выпить я. Однако на этот раз, когда к нам подошел официант, я, проявив инициативу, заказала себе бокал красного вина и наблюдала, как он пытается скрыть удивление, или разочарование, или что там еще, что мог чувствовать только Джим Джефффриз. «Какое красное?» — поинтересовался официант. Ну откуда мне знать! Я не запоминаю названия марок ни белых, ни красных вин, к тому же понятия не имею, какую часть названия следует произносить вслух, поэтому просто сказала «фирменное». Джефффриз заказал стейк, я — запеченный картофель с двумя наполнителями. Когда официант отошел, Джефффриз долго вздохнул, прямо как врач-стоматолог, и произнес:

— Итак, Либби, для нас начинается совершенно новый, не похожий на прежний, жизненный этап.

— И сколько же осталось? — спросила я, про себя заклиная: «Ну скажи десять тысяч, скажидесяттысячкаскажи».

— Ты читаешь отчеты, которые я тебе посылаю?

— Иногда читаю, — снова солгала я. Вообще-то мне нравится получать почту, а не читать; наверное, они валяются дома где-то в куче бумаг.

— А сообщения от меня прослушиваешь?

— Мне кажется, у вас барахлит телефон. Связь часто обрывается.

Впрочем, я слушала достаточно, чтобы понять, что оказалась в весьма затруднительном положении. Обычно я отключаюсь после первого же предложения Джефффриза, которое всегда начинается одинаково: «Либби, это твой друг Джим Джефффриз».

Он поставил перед собой ладони домиком и оттопырил нижнюю губу.

— Итак, осталось девятьсот восемьдесят два доллара двенадцать центов. Как я упоминал ранее, если бы у тебя была хоть какая-то постоянная работа и ты бы пополняла счет, мы бы сумели его поддерживать, но... — Он всплеснул руками и поморщился. — Но дела обстоят иначе.

— А как же книга? Разве она...

— К сожалению, Либби, книга ничего не дает. И я повторяю это не первый год. Твоей вины тут нет, просто она... Нет, ничего.

Шесть лет назад по случаю моего двадцатипятилетия в одном издательстве, которое специализируется на книгах по самопомощи, меня попросили написать, как я победила «призраки прошлого». Ничего я особо не побеждала, но все-таки согласилась. Книгу писала дама из Нью-Джерси, с которой я беседовала по телефону. Книга вышла в свет в 2002 году накануне Рождества с моей фотографией на обложке — там я с очень неудачной стрижкой. Книжка называлась «Начните новую жизнь! Как не только справиться с детской душевной травмой, но и преодолеть ее последствия (советы Либби Дэй)». Двести страниц душещипательной и одновременно оптимистичной каши сопровождалась несколькими моими старыми фотографиями с погибшей семьей. Мне заплатили восемь тысяч долларов, а еще меня пригласили к себе выступить несколько групп оставшихся в живых при разных обстоятельствах людей. Я слетала в Толидо, где встречалась с мужчинами, которые остались сиротами в раннем возрасте, и побывала в Талсе на особой встрече с подростками, чьих матерей убили отцы. Я подписывала книжки детям — они открывали рты от удивления и задавали неожиданные вопросы вроде «Пекла ли ваша мама пироги?». Я оставляла бодрые лозунги в книжках для седых убогих стариков, а они рассматривали меня через бифокальные очки, обдавая запахом кофе и несварения желудка. У всех, кто приходил на эти встречи, был измученный вид отчаявшихся людей. Они топтались вокруг меня жидкими группками, но как только я поняла, что мне за это больше не заплатят, я отказалась ехать куда бы то ни было. Да и книжка не оправдала ожиданий.

— Но ведь она должна была принести больше денег, — проворкотала я.

Так хотелось, чтобы книжка давала доход. Как ребенку — всей душой. То самое чувство, когда кажется: если чего-то очень сильно захотеть, непременно это получишь. Не можешь не получить.

— Согласен, — сказал Джефффриз и замолчал, потому что по прошествии шести лет ему нечего было добавить по этому во-

просу. Некоторое время он молча наблюдал, как я пью вино. — Но, Либби, в некотором смысле сегодняшнее положение дел открывает для тебя по-настоящему интересный этап в жизни. Скажи, кем бы ты хотела стать?

Наверное, в эти слова он вкладывал особое чувство, но вместо умиления они вызвали во мне взрыв негодования: никем — и все дела!

— Денег нет совсем?

Джеффриз печально покачал головой и начал подсаживать только что принесенный стейк в лужице крови цвета вишневого сока.

— И никаких новых поступлений? Ведь приближается двадцать пятая годовщина. — Я почувствовала очередной всплеск злобы, теперь в его адрес, — за то, что он заставил меня произнести эти слова. Бен начал свою жуткую охоту в два часа ночи 3 января 1985 года. Время врезалось в память, и вот я жду годовщины — не чудовищно ли! Господи, ну почему не осталось хотя бы тысяч пять!

Он снова покачал головой:

— Денег больше нет. Тебе ведь уже тридцать, да? Ты взрослая женщина. Жизнь не стоит на месте. Люди хотят помочь другим маленьким девочкам, а не...

— Не мне...

— К сожалению, это так.

— Говорите, не стоит на месте?

Я почувствовала, что меня бросили, предали; я всегда испытывала подобное чувство в детстве, когда какая-нибудь моя тетушка или троюродная сестра привозила меня к другой тетушке или троюродной сестре, дескать, пусть немного поживет у тебя — я сделала все, что могла, больше не могу. Очередная родственница с недельку героически меня терпела, изо всех сил пытаясь совладать с озлобленным маленьким существом, каким была я, но потом... Конечно, положи руку на сердце, в этом есть и моя вина. Целиком и полностью моя — и это не самобичевание жертвы. В гостиной у одной я распысила лак для волос и устроила пожар. Диана, мамина родная сестра и моя обожаемая тетка, моя наставница, много раз брала меня к себе, потом отсылала, но в конце концов навсегда закрыла для меня двери своего дома. Каких только пакостей я ей не делала!

— К сожалению, Либби, происходят новые убийства, — думел Джефффриз. — У людей короткая память. Подумай только, как все переживают из-за Лизетт Стивенс.

Лизетт Стивенс, хорошенькая двадцатипятилетняя брюнетка, исчезла еще в конце ноября, когда возвращалась домой от родственников после семейного обеда по случаю Дня благодарения. На поиски бросился весь Канзас-Сити; едва включишь телевизор, как с экрана на тебя смотрит ее улыбающееся лицо. В начале февраля о ней уже знала вся Америка. Прошел еще месяц — никаких новостей, и сейчас все кругом прекрасно понимали, что ее нет в живых, но первым признавать поражение не желал никто.

— Но, — продолжал Джефффриз, — мне кажется, всем хотелось бы думать, что в жизни у тебя все хорошо.

— С ума сойти!

— Может, стоит закончить колледж? — Он отхватил большой кусок мяса.

— Нет.

— А что, если мы попробуем найти тебе работу в какой-нибудь конторе — займешься делопроизводством, или чем там еще занимаются?

— Нет.

Я внутренне сжалась, забыла о еде, распространяя вокруг себя флюиды мрачной враждебности. Еще одно мамино слово: «мрачность». Это состояние зеленой тоски, которая действует на нервы окружающим, — тоски на грани агрессии.

— Давай-ка ты недельку поразмыслишь над моими словами, хорошо?

Он быстро поглощал стейк, вилка споро двигалась от тарелки ко рту. Он собирался уходить. Джим Джефффриз сделал все, что мог.

Он ушел, оставив три письма и одарив меня улыбкой, которая, вероятно, была призвана излучать оптимизм. Три письма, на которые и смотреть-то не хотелось. Было время, когда Джефффриз передавал мне разбухшие от писем коробки из-под обуви, при этом большинство конвертов — с чеком внутри. Я возвращала ему уже подписанные чеки; а даритель через не-

которое время получал написанное моим крупным почерком коротенькое письмо: «Благодарю вас за пожертвование. Поддержка таких, как вы, людей позволяет мне надеяться на более счастливое будущее. Искренняя ваша Либби Дэй». Именно так и было написано — «искренняя»: Джим Джефффриз полагал, что это невероятно трогательно.

Но коробки с пожертвованиями остались в прошлом — и вот теперь передо мной всего три письма и целый вечер, который нужно как-то убить. Я отправилась домой, несколько встречных машин помигали мне, пока я не поняла, что еду с потушенными фарами. На горизонте мерцали огоньки восточной части Канзас-Сити. Что можно делать, чтобы мне платили? Что в таких случаях делают взрослые люди? Я представила себя в шапочке медсестры с термометром в руке; затем — в ладно подогнанной синей форме полицейского: я веду через улицу ребенка; потом — с ниткой жемчуга на шее и в фартуке с веселенькими цветочками: я на кухне готовлю обед для обожаемого мужа. «До чего же у тебя мозги набекрень, — сказала я себе, — если представление о взрослой жизни ты до сих пор черпаешь из книжек с картинками». Но даже при этой мысли я представляла, как мелом пишу на доске алфавит, а за спиной у меня счастливые лица первоклашек.

Нет, нужно подумать о чем-то более реальном, скажем, связанном с компьютерами. Ввод данных — чем не работа? А может, обслуживание клиентов в магазине? А еще я когда-то смотрела фильм, в котором героиня зарабатывала на жизнь, гуляя с собаками, — женщина всегда была одета в комбинезон и подходящие по цвету свитера, в руках неизменно были цветы, а собаки демонстрировали любовь и пускали слюни. Но я не люблю собак — я их боюсь. Наконец мысли обратились к фермерству. В конце концов, наша семья им занималась в течение целого столетия, вплоть до мам... пока Бен ее не убил. А потом ферму продали.

Но я не умею вести фермерское хозяйство. У меня остались воспоминания о нашей ферме: Бен пробирается сквозь холодную весеннюю грязь, отталкивая путающихся под ногами телят; мама запускает огрубевшие руки в мешок с твердыми катышками темно-вишневого цвета, которые потом прорастают

из земли пушистыми метелками сорго. Мишель и Дебби с визгом скачут на сене. «Колется!» — жалуется Дебби и снова с воплями прыгает на колючую кучу. Кофеварка... Я не могу долго предаваться этим воспоминаниям — словно особо опасная зона, они у меня называются «Черная дыра». Едва мысли задерживаются над тем, как мама в очередной раз пытается вернуть к жизни дурацкую кофеварку или как танцует Мишель в теплой ночнушке и натянутых на колени гольфах, я тут же оказываюсь в Черной дыре. Леденящие душу кровавые звуки в ночи. Бесстрастно и ритмично, словно рубит дерево, двигается топор, от него не спрячешься, не скроешься. Выстрелы в тесном коридоре. Пронзительный, как у встревоженной и почувшей беду сойки, мамин крик — ей уже снесли полчерепа, а она все равно пытается спасти своих детей.

«Кстати, чем занимается секретарь-референт?»

Я остановила машину у дома и, выбравшись из нее, ступила на бетонный тротуар, на котором не один десяток лет назад кто-то выбил «Джимми + Тина = любовь». Иногда воображение рисует картинку того, что случилось с этой парочкой. Например, он играет в третьеразрядной бейсбольной команде — она домохозяйка в Питсбурге и болеет раком. Или: он разведенный пожарный — она адвокат, а в прошлом году утонула в Мексиканском заливе. Или: она работает учительницей в школе, а он в двадцать лет скоропостижно скончался от какой-то из аневризм. Занимательное, хотя и мрачное, упражнение для ума; но в любом случае один из них у меня непременно отправлялся на тот свет.

Я подняла глаза на крышу своей съемной хибары — не очень ли ее перекосило. Если она рухнет, я мало что потеряю. Единственная принадлежащая мне ценность — очень старый кот по имени Бак, который терпит меня со всеми моими недостатками. Оказавшись на кривых мокрых ступенях, я услышала его сердитое мяуканье: ну конечно, я же его сегодня не покормила. Я открыла дверь, древний кот медленно поковылял ко мне, как развалюха со спущенным колесом. В доме не осталось кошачьего корма (я должна была его сегодня купить, но забыла), поэтому я вытащила из холодильника затвердевший сыр, дала коту несколько кусочков и пахнущими скисшим молоком пальцами вскрыла первый конверт.

Флинн Г.

Ф 72 Темные тайны : роман / Гиллиан Флинн ; пер. с англ. Н. Калевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-08695-1

Двадцать четыре года прошло с тех пор, когда чудовищное преступление потрясло весь Канзас: в маленьком городке пятнадцатилетний подросток зверски убил собственную семью. Тогда чудом уцелела лишь семилетняя Либби, но случившаяся трагедия наложила неизгладимый отпечаток на ее дальнейшую жизнь. Юноша отбывает пожизненное заключение, но он так и не признался в содеянном. Либби, когда-то ставшая главным свидетелем обвинения, после столь долгих лет наконец-то решает встретиться с братом. В прошлое возвращаться страшно, тем более что за его завесой скрываются зловещие тайны...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГИЛЛИАН ФЛИНН
ТЕМНЫЕ ТАЙНЫ

Ответственный редактор Александр Етоев

Редактор Анна Райская

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Маргарита Ахметова, Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.12.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 24.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-RBD-16702-08-R